

ГРИГОРИЙ КРУЖКОВ

НОСТАЛЬГИЯ ОБЕЛИСКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«МЫ – ДВУХ ТЕНЕЙ СКОРБЯЩАЯ ЧЕТА»*

*Лондонский эпизод 1899 года по письмам
Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал*

Еленушка

Биография В.И. Иванова на сегодняшний день изучена и освещена неравномерно. Скажем, классический период «Башни» (1905–1907) исследован весьма подробно; женеvский период, связанный с виллой «Ява» (1901–1905), известен уже меньше, и еще меньше – предыдущие годы странствий, когда семья Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал вела кочевую жизнь, странствуя по всей Европе. Вот к этим-то «темным годам» и относится интересующий нас лондонский период их жизни. Долгое время он был известен в основном по рассказу биографа и друга Иванова Ольги Дешарт во вступительной статье к брюссельскому Собранию сочинений Вяч. Иванова:

Мелькали города и страны. Хотя необходимость прятать детей и опасность быть застигнутыми врасплох и придавала отношениям Вячеслава и Лидии романтическую прелесть тайны <...> они с нетерпением ожидали развода. Наконец, в начале 1899 г. пришла телеграмма от брата Л.Д. из Петербурга, возвещавшая благополучное завершение процесса. Радостное известие застало их в Аренцано, очаровательном приморском городке вблизи «амфитеатра порфирного», как звал В.И. Геную. Свадьбу справили в маленькой греческой церкви Ливорно, куда В.И. и Л.Д. поехали одни, вдвоем и где по греческому обряду им, вместо русских брачных венцов, надели на головы обручи из виноградных лоз, обмотанных белоснежной шерстью ягненка. <...>

В.И. настаивал, чтобы Л.Д. дала своим сыновьям хорошее, особенно полезное после скитальческих лет, английское воспитание. И, следуя его совету, они со всеми детьми пароходом двинулись через Неаполь, где задержались на лето, в Англию.

В Лондоне Вячеслав и Лидия пережили первое общее горе. В светлый воскресный день у них родилась девочка – Еленушка. Л.Д. была в упоении, видела в ней что-то особое, печать духовности на

* Новое литературное обозрение. № 43 (2000).

лице. Через два месяца Еленушка, вопреки усилиям лучших врачей, как-то непонятно умерла. Лидия была в отчаянии. Через несколько дней, недалеко от дома, в котором жили Ивановы, был найден подкидыш мужского пола. В.И. и Л.Д. решили, что ребенок послан им в утешение и приступили к хлопотам по его усыновлению. Но английские власти поблагодарили их за их доброе намеренье и отказали: английский гражданин не может быть отдан иностранцам¹.

Об этом же эпизоде рассказывает и Лидия Иванова на первой странице своих «Воспоминаний»: «Была еще сестричка Еленушка, умершая в Лондоне шести месяцев от роду». И далее – о морском переезде в Англию: «Мне не спится; я капризничаю, сержусь и брыкаю сестричку Еленушку»². Отметим расхождение: согласно Ольге Дешарт, девочка родилась в Лондоне и прожила два месяца; по воспоминаниям Лидии – родилась до Лондона и прожила шесть месяцев. Кто прав – Лидия, которой во время описываемых событий было всего два-три года, или Ольга Дешарт? Конечно, младенческая память порой подводит, но не исключено, что могла ошибиться и О. Дешарт, ведь она писала о событиях пятидесятилетней давности, не имея под руками всех документов и, в частности, не имея возможности свериться с документами в московских архивах.

Многое проясняется, если изучить письма за 1899–1901 годы, хранящиеся в фонде 109 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки – в богатейшем московском архиве Ивановых: в первую очередь письма В.И. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал близкому другу их семьи Марии Михайловне Замятниной, а также письма Л.Д. отцу и мужу³.

Начнем с писем отцу, Дмитрию Васильевичу Зиновьеву. В марте Л.Д. пишет ему с виллы Фараоне близ Неаполя:

¹ Дешарт О. <Вступление> // Иванов В.И. Собр. соч. Т. 1. Брюссель, 1974. С. 35.

² Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 13.

³ Письма, цитируемые далее, содержатся в следующих документах фонда Ивановых (фонд 109):

В.И. Иванов – М.М. Замятниной. К. 9. Ед. хр. 31 и 32.

Л.Д. Зиновьева-Аннибал – В.И. Иванову. К. 22. Ед. хр. 8.

Л.Д. Зиновьева-Аннибал – Д.В. Зиновьеву (отцу). К. 24. Ед. хр. 3.

Л.Д. Зиновьева-Аннибал – Сергею Шварсалону (сыну). К. 24. Ед. хр. 28.

Л.Д. Зиновьева-Аннибал – М.М. Замятниной. К. 23. Ед. хр. 6 и 22.

Дж.Л. Пэтон (J.L. Paton) – Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. К. 32. Ед. хр. 76.

А. Таппер (A. Turper) – Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. К. 35. Ед. хр. 19.

Villa Faraone, Resina, Naples

5/17 марта 99⁴

Дорогой Папочка,

Ты, наверное, знаешь уже от Саши о счастливом разрешении моего процесса. <...> Ты всегда действовал за меня через Сашу и меня ободрял и поддерживал. Ты первый узнал о моем трудном положении, когда я сказала тебе о моей новой семье, и я не могу забыть, как добр бесконечно ты был тогда ко мне. Спасибо тебе, мой добрый, мой дорогой! Теперь, конечно, очень многое уже достигнуто, но еще остается немало затруднений. Надо мне теперь узаконить мой второй брак, что будет нелегко, так как Вячеслав дал своей первой жене развод и сам по закону вступить в брак не может. Конечно, это правило часто обходится⁵. Но и после венчания мне предстоит борьба с Шварсаломом за детей в Канцелярии Прощений, так как там наше условие действительно лишь до заключения моего второго брака! К сожалению, теперь чувствую себя совсем больною и поэтому, особенно ввиду моей большой слабости, тяжек мне долгий путь. По крайней мере, возьму самый лучший прямой поезд в Вену и решусь со всеми удобствами проехать в Россию для хлопот и совета практического с Сашей и адвокатами.

Пока же надо еще хранить глубокую тайну моего адреса и быть мне очень осторожной. <...>

Вот в чем дело! Как это ни странно для нас сегодня, но по законам Российской империи Вячеслав Иванов после развода не имел права вступить в новый брак. Статья «Развод» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона объясняет, что 1) «развод всегда относился к компетенции церковной власти»; 2) что законных поводов для развода было очень мало; 3) что прелюбодеяние признавалось поводом; 4) что «соглашение о “взятии на себя вины” предшествовало почти всякому иску о разводе»; и 5) что виновник осуждался «на вечное безбрачие»⁶.

В.И., по-видимому, взял на себя вину, чтобы получить развод; следовательно, он официально не мог получить права на второй брак. Точнее, «новый брак может быть разрешен, если обиженная сторона умерла, или дала согласие, или сама вступила в брак».

Согласно той же статье, «судьба детей после развода также совсем не регулируется». Именно поэтому Л.Д. нужно было вес-

⁴ В приводимых здесь письмах датировка приведена к единому стилю — через черту: по старому стилю / по новому стилю. Если же дается одна дата, то это старый стиль для писем из России и новый стиль — для писем заграничных.

⁵ Здесь и далее подчеркнуто автором письма.

⁶ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 51. СПб., 1899. С. 135, 136.

ти «борьбу за детей» в Канцелярии прошений. То есть ситуация была очень и очень непростой — вплоть до необходимости соблюдать глубокую тайну местопребывания семьи. Именно поэтому Л.Д. в своих письмах отцу часто просит *пересылать* ее корреспонденцию в Россию, чтобы не выдать свой обратный адрес.

По-видимому, первой задачей Ивановых было обвенчаться по православному закону. С этой целью в конце марта они едут в Россию. 9/21 мая Лидия Дмитриевна пишет сыну Сереже из Петербурга, где они с В.И. находятся с конца марта, в Италию, на виллу Faraone близ Неаполя:

<...> мы еще не можем уезжать: нам надо со страшным трудом хлопотать о разных деловых бумагах. На этих днях я переехала к моему другу, доброй, милой Марусе Замятниной. Она бережет меня, как родную сестру, и я ей бесконечно благодарна.

О хлопотах, мешающих уехать, говорится и в следующем письме, 10/22 мая:

О себе сказать могу, что все хлопочу с Вячеславом устраивать последние и трудные дела: от этих дел, милый мой мальчик, зависит и вернуться всем вместе в Россию...

Пока же, чтобы поддержать детей, скучающих без родителей, Л.Д. посылает им своего «заместителя» — верную и самоотверженную Марусю Замятнину. 1 июня (ст. ст.) Л.Д. пишет очень педагогичное письмо Сереже, подготавливая его к приезду гостя (письмо приходит на виллу Фараоне 18 июня по нов. ст.):

Сереженька, скоро теперь придет к вам гость — мой большой друг Маруся Замятнина. Она будет учиться с вами, читать, гулять, купаться. Вы, детки, и слушайте ее хорошенько, и будьте с ней ласковы и любезны, потому что она гость и ей должно быть уютно и хорошо у вас, пока нас еще нет с вами. Она очень добрая, и характер у нее веселый и ласковый, вы, надеюсь, все ее полюбите. Приедет она, вероятно, около 22-го или 23-го июня по новому стилю. Она сама напишет о дне и часе приезда, и тогда пусть Оля с детьми (если Костя очень хочет, и с ним) поедут ей навстречу в Неаполь и привезут к Ане и Лиле (Оля ее знает). Напиши сразу, Сереженька, как она тебе понравится. Она тоже обещала написать, как вы, дети, ей понравитесь. Надеюсь, что вы очень подружитесь. <...> Скажи Васюне, что я очень огорчена ее ленью. Она совсем не пишет, верно, не любит меня больше совсем. Очень поцелуй ее...

Из этого письма видно, что на вилле Фараоне дети жили с тремя девушками: Анютой Шустовой — по-видимому, старшей няней, по-

тому что письма адресовались на ее имя, Олей и ленивой «Васюней». Впоследствии Лидия Иванова писала: «Мама возила с собою нескольких девушек, которых держала как членов семьи. Она находила их в России, где спасала их от разных тяжелых, иногда трагических, обстоятельств»⁷. Вот для усиления этой команды и была послана умница Маруся Замятнина, блестяще образованная, умная и деловая. Вероятно, ей было предложено не торопиться, но воспользоваться случаем и по пути повидать достопримечательности Северной Италии. Это следует из письма Л.Д. — М. Замятниной, посланного из Петербурга в Венецию днем раньше, 30 мая 1899 г.:

Дорогая моя Марусенька, целую Вас крепко и поздравляю с приездом на чужую землю, вечным морем священную. Слежу за вами постоянно, следуя в мыслях пути, оговоренному между нами. От детей хорошие письма. Будьте за них спокойны, не торопитесь. От меня в мыслях приветствуйте Флоренцию, когда приедете в этот драгоценный, единственный город. Здесь храню свято заветы дружбы: ежедневно стелю простым правым рубцом кверху и накрываю белым одеялом так, чтобы черный знак был у стены к голове! И в этом нахожу [нрзб] немного горькую усладу, как бы искус верности. Дело наше благополучно дожидается счастливого часа. Но пока он, этот час, еще не настал, даже, напротив, прозвучала мрачная нота: умер тот самый поп устроитель в день, когда все должно было устроиться. Ждем, чаем.

Речь идет, очевидно, о бракосочетании. Но, к сожалению, препятствия оказались таковы, что В.И. и Л.Д. решили выехать из России, чтобы попытаться заключить брак при посредстве какого-нибудь русского священника за границей. Однако и это оказалось весьма сложно, о чем свидетельствует следующее письмо, посланное В. Ивановым М. Замятниной из Венеции месяцем позже, в середине июля.

Венеция 17.VII

Дорогой друг,
сослужите нам великую службу (ибо нас преследуют неудачи и здесь, как Энея с его Пенатами, и благодаря [нрзб] формализму консула — сначала, по беглому просмотру, нашедшего все в порядке, а потом потребовавшего бумаги о разрешении венчания — мы должны бежать ни с чем и отсюда, понапрасну разгласив здесь свое опасное дело), сослужите еще дружескую службу — тотчас же повидайтесь с греческим архимандритом в Неаполе и спросите, не со-

⁷ Иванова Лидия. Воспоминания. С. 14.

гласится ли он повенчать нас на основании документов, список которых прилагаю; причем имен ему говорить сразу, может быть, не следует, поскольку Вы найдете удачным такое умолчание, но также не следует, думается нам, скрывать от него и факт существующего для меня запрещения, в моих бумагах умолчанного, так как свадьба может расстроиться в последнюю минуту неожиданно, если неаполитанский консул, подобно здешнему, вдруг потребует и заставит архимандрита потребовать от меня бумаги о дозволении вступить в новый брак. О результатах Ваших переговоров известите меня, конечно, депешей по адресу Venceslav Ivanov, Hotel Belvedere, Veneta Marina, Venezia. Дорогой друг, Вы представляете себе, как нам живется худо, несмотря на красоту, нас окружающую? <...>

Ваши скитальцы

Можно понять, как угнетены они были невозможностью легализовать свое положение, положение семьи. Как вдвойне они должны были нервничать, если Л.Д. в этот момент была беременна: перспектива родить второго (после Лидии) незаконнорожденного ребенка должна была ей казаться особенно обидной после полученного в начале года развода и связанных с этим надежд. Как можно понять по письму отцу (около того же времени), в Венецию Ивановы приехали из Германии, где осуществить венчание оказалось еще сложнее — из-за немецкого бюрократизма.

Но и в Неаполе их усилия не увенчались успехом. Осуществить задуманное удалось — после долгих поисков и мытарств — только в августе, в Ливорно. В данном случае текст воспоминаний Ольги Дешарт, формально точный, может ввести в заблуждение читателя. Фраза о телеграмме, возвещавшей из Петербурга благополучное завершение процесса, и предложение: «Свадьбу справили в маленькой греческой церкви Ливорно», — стоят рядом, как будто одно прямо следовало за другим. На самом деле между ними прошло почти полгода⁸.

Из письма отцу выясняется: Л.Д. была уже на последнем месяце беременности. Именно это, по всей видимости, и хотела «затушевать» Ольга Дешарт — брак за месяц до родов. Впрочем,

⁸ Такого рода временные «смещения» едва ли случайны. Скорее, они отражают стремление Ольги Дешарт сохранить некоторый декорум в вопросе о браке Ивановых и их незаконных детях. Деликатность мемуаристки проявляется, например, в том, что о рождении Лидии она рассказывает через несколько страниц после описания «бракосочетания» в Ливорно в 1899 году, хотя родилась Лидия за два года до этого события.

вызывает сомнение и легальность брака с точки зрения православного закона. Иначе почему крестины Лидии спустя год оставлены такими сложностями (об этом см. ниже)? Переезд в Англию, как легко себе представить, был вызван не только тем, что мальчикам требовалось именно английское образование, но и стремлением укрыться как можно дальше от любопытных глаз.

Итак, письмо Л.Д. отцу Дм. Вас. Зиновьеву:

Villa Faraone, Resina, Napoli, Italia

9 авг. 99

Дорогой мой Папочка,

Только теперь могу порадовать тебя счастливой вестью. Только теперь удалось нам покончить все горькие испытания и получить благословение церкви нашему браку! Я не могла решиться писать тебе до этой минуты, потому что до сих пор мы терпели одни разочарования. В Венеции, где получила твою бумагу и твою добрую приписку, ничего не устроилось. В последнюю минуту консул помешал священнику венчать нас. Нам пришлось бежать и оттуда ни с чем. Наконец в Ливорно мы нашли доброго, простого старичка священника, который пожалел и обвенчал нас в тамошней греческой церкви. Мы справили после того все бумаги и едва поехали на пароходе в Неаполь, чтобы посетить детей, брошенных уже с марта месяца. Правда, что, если бы я была здорова, то подождала бы ехать домой, а раньше мы бы с Вячеславом проехали бы к тебе, как того очень желали, но беда в том, что я теперь не могу путешествовать и измучена до последней возможности тем, что мне пришлось так мучиться и так утомляться, а я уже в последнем месяце беременности.

Поэтому надеюсь повидать тебя уже после разрешения, когда оправлюсь от болезни. Еще раз благодарю тебя и целую твои дорогие руки за присланное благословение; я считала все время, что и раньше <было> все время твоё благословение, так как давно уже и тебе первому поведала свою тайну, для меня священную, тайну о том, что имела дочь и доброго мужа, хотя перед людьми в том признаться не могла. Ты тогда благословил меня жалея и любя, и я всегда то помнила. Теперь уж скоро 5 лет, что мы с Вячеславом соединили наши жизни, и кроме глубокого счастья, он мне ничего не доставил, и любим мы друг друга все больше и больше и все теснее сближаемся. <...>

Судя по письмам к отцу, мысль о Лондоне возникает у Ивановых около 20 августа:

Villa Faraone, Resina, Naples

11/23 авг.

Дорогой Папочка,

Посылаю тебе несколько писем с горячей просьбой переслать их. Прочитай мое письмо к маме, я в нем представляю все выгоды на-

шего плана переселиться на зиму в Лондон. Там частная жизнь свято охраняется законом, и Шварсалон будет совершенно бессилён нам вредить или добывать себе детей. Кроме того, очень выгодно детям выучиться английскому языку, и вообще школы английские лучше, чем где-либо в другой стране. В Лондоне есть и прекрасные библиотеки для научной работы. Словом, я надеюсь, что, обсудив все, и ты придешь к согласию со мною. Напиши свое мнение, очень прошу об этом. <...>

Даже и 29 августа решение еще не принято. Ивановы по-прежнему на вилле Фараоне. Из письма Л.Д. отцу: «Условия жизни здесь отличные. Надо бы еще поправиться! Но, видно, кто раз уж надорвался, тому не поправиться. Сколько могу, хотя и мало, работаю над своим романом. Все надеюсь его довести до конца. <...> Пока не решилось мое дело, я все не знаю, где буду жить, и потому никуда не могу выписать вещи!»

Задним числом устанавливается (см. дальше), что дочь родилась у Лидии 17 сентября по новому стилю, в воскресенье; но произошло это не в Англии, а в Италии. В следующем письме отцу из Аренцано о новорожденной ни слова. Но говорится о купающейся «Лидюше» — эти дни сохранились в ее памяти о раннем детстве: «скала в море в Аренцано». Можно предположить, что и переезд через море вместе с сестричкой Еленушкой запомнился ей верно. Но на тот момент (1 октября) Ивановы еще пребывают в нерешительности относительно своих планов. Из письма Л.Д. отцу:

Arenzano, Ligure
19 сен. / 1 окт.

<...> У нас уже настала осень и день за днем идет дождь. Хотя воздух такой теплый, что мы еще не пропустили ни одного дня купания, даже маленькая Лидюша купается в море каждое утро. Мы решили пока сидеть тихо в Аренцано и дожидаться вестей о моем деле. Теперь, когда оно подходит к концу, надо быть вдвойне осторожными и лучше никуда не переезжать. Не правда ли? <...>

Но переезд все-таки состоялся. И буквально через несколько дней. Как могли решиться на морское путешествие с девочкой, которой тогда было лишь две недели? К чему такая поспешность, напоминающая уже не об Энее с его ларами, как прежде шутил В. Иванов, а о бегстве в Египет? Причины мы не знаем, но она, вероятно, была.

Итак, проходит только пять дней, и в новом письме Л.Д. к отцу все меняется: и декорации, и тема. Место действия — Лондон.

Т е ж е и Е л е н а.

15 Torrington Square, London
24 сен. / 6 окт. 99

Дорогой Папочка,

Собиралась я поздравить тебя ко дню твоего Ангела, да день за днем проходили у меня в такой слабости, что не могла взяться за письмо: не хотелось тревожить тебя плохими вестями. Теперь могу сказать, что все налаживается: я стала несколько сильнее, хотя ходить мне еще не позволено. Дочка моя тоже очень слаба и горе наше с ней то, что у меня от слабости пропало молоко. Приходится девочку воспитывать на рожках, и долго она не переносила свою пищу. Теперь, слава Богу, и это горе исправляется: девочка стала, кажется, привыкать. Уход за мной и дочерью здесь великолепный. Старшие дети сделали много успехов в английском языке и на днях поступают в школу. Младших с Анютой ожидаю тоже на днях из Неаполя морем.

Вячеслав здесь работает очень много в чудесной лондонской библиотеке British Museum, где ему много дела по его науке. В этой библиотеке между русскими книгами есть несколько его собственных работ, напечатанных в Петербурге за последний год в трех журналах. Ему здесь работается лучше, чем где-либо, и я надеюсь, что если в семье все будет благополучно, он успеет много сделать.

Мы устроились очень хорошо для меня, потому что не имеем своего хозяйства, а живем «по-английски», т. е. в пансионе, у очень милых и любезных людей. <...>

В середине октября М. Замятнина покидает Ивановых в Лондоне и отправляется в Париж. В первом письме Л.Д. к Замятниной после ее отъезда — слова благодарности, уверения в дружбе. Вскользь упоминается о возобновлении занятий музыкой: «Пою, т. е. разучиваю потихонечку. Пишу в день своего рождения». Тут же и В.И. в особой приписке поздравляет М.М. с днем рождения своей жены: «И вас, Марусенька, дорогой и любимый друг, поздравляю с Лидиным днем. Благодарю глубоко за дорогое письмо с пути. Иду в наш Музей по вашей улице, расстилаю вашу serviette для работы и все это уже [нрзб], и священнодействие, и “surdum cordis”⁹ дружбы, и светлое уверение, и благодарная вера в какое-то приобретенное и прочное благо».

На следующий день В.И. снова пишет Замятниной из читального зала библиотеки Британского музея, где в это время он за-

⁹ Тайнство сердечное (лат.).

нимался исследованиями по римской истории. Но настроение на сей раз совсем другое.

Пятница, Reading Room

Дорогая Марусенька! Как-то вы блуждаете «среди улиц шумных» пленительной (*séduisante*) Лутеции? Каковы впечатления ваши? Каково впечатление, производимое вами? — ибо в вашем гугенотском наряде вас легко принять парижанам, в особенности в окрестностях Лувра, за одну из восставших теней Варфоломеевской ночи... Знаете ли Вы герб и девиз Парижа? Корабль, бросаемый волнами, и подпись: «*fluctuat, nec mergitur*»¹⁰, «не тонет». Немудрено поэтому, что, когда оказываешься в этом беспокойном поплавке, тебя тошнит, и у тебя болит голова; а порой тебя опять тянет с твердой земли на милый, вольный, подвижный, неустойчивый, вечно летящий к новым горизонтам корабль. И как завидна тошнота морской болезни после тошноты, производимой здесь, так сказать, болезнью почвенною: тупою и ступидною (*sic!* — Г. К.) косностью и неподвижностью злачного острова, на котором пасется и дижерирует упорный Джон Буль. Так что даже о физиологических впечатлениях семейки нашей в Океане слушают с завистью. *Welcome, welcome you dark blue waves!*¹¹ «Столько» о моем настроении: вы же оставайтесь, на здоровье и в добрый час, «верною Лондону»! <...>

Последнюю фразу, очевидно, В.И. цитирует из письма М. Замятниной. Его собственное отношение к Лондону и вообще к «Джону Булю» — в целом негативное, определяемое галлицизмами «ступидный» и «дижерирует» (т.е. «глупый» и «жует жвачку»). Это отношение в самом письме увязывается с дурным настроением В.И. По-видимому, неопределенность положения невенчанной пары при их разросшемся семействе (пятеро детей!) и вынужденное изгнание постоянно порождали уныние и раздражительность, что заметно по следующему письму к Замятниной:

В воскресенье
при перезвоне колоколов

Дорогая Маруся! Прочтите письмо к Гревсу. Скажите от меня лично Ивану Михайловичу, что мы продолжаем нуждаться в забвении, тишине и тайне, что знает, впрочем, и он сам, почему просим его никому о семейных делах наших не сообщать, не разглашать также и моего местопребывания... <...>

¹⁰ Колеблется на волнах, но не тонет (*лат.*).

¹¹ Шумите, шумите, синие волны! (*англ.*) // Байрон Дж. «Чайльд Гарольд». Песнь первая.

Местопребывание семейства Ивановых по-прежнему остается строжайшей тайной. Тут же — упоминание о неустойчивом настроении жены: «А Лидия как раз плачет — о тумане, который вчера и сегодня доказывает нам, что Лондон в своем истинном виде — невидим».

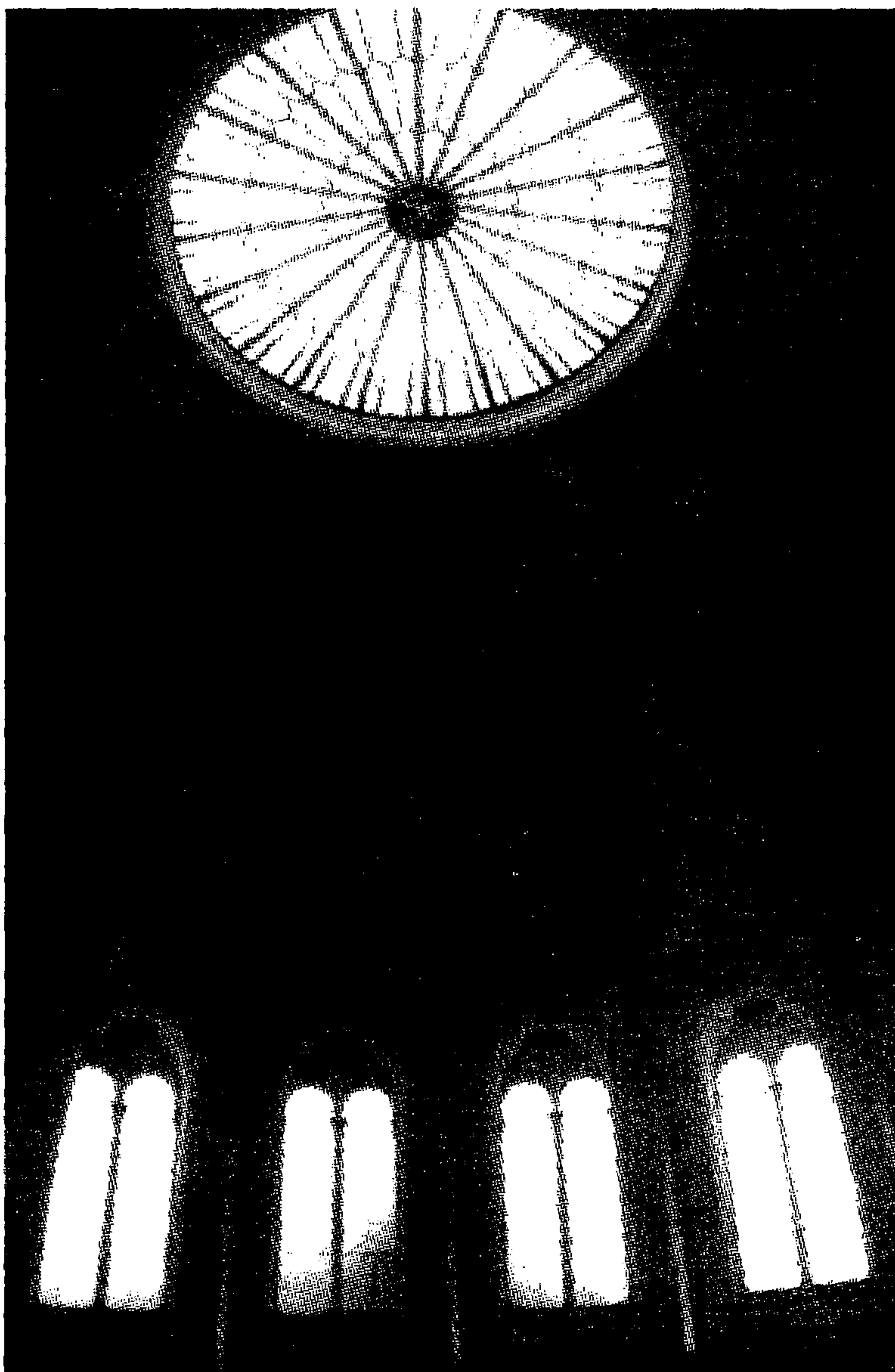
Между тем Ивановым пришлось сменить квартиру. Об этом Л.Д. сообщает Замятниной в письме от 3.11.99 (отправленном уже в Петербург):

Дорогой друг, пишу прежде всего, чтобы известить о перемене адреса: Mr Ivanov, 27 Endsleigh Gardens, Gordon Square, NW. Так как оказались хозяева на Torr. Square подлецами, очень боимся за корреспонденцию, направленную по старому адресу. Извести, дорогой гугенот, посылала ли уже туда. Много мы без тебя пережили тошноты и омерзения. Теперь надеемся на лучшее в новых apartments. Хозяйка стряпает по моему заказу.

На новом месте жизнь Ивановых как будто изменилась к лучшему. Во всяком случае, в новом письме Л.Д. подруге наряду с жалобами на усталость есть ощущение семейного умиротворения и

почти счастья. (Увы, горе уже караулило их за углом.) Интересно описание жилища Ивановых и распорядок их дня. Вот это письмо, написанное 11 ноября 1899 года:

<...> Днем с восьми утра я как в котле киплю: все работа работу погоняет, и оглянуться и одуматься и в себя прийти нет времени. Девушки могут лишь одеть, умыть, но присмотреть за строем общей жизни не могут... <...> Кстати еще и язык этот ужасный! Приходится за каждой булавкой самой ходить и всякую мелочь самой объяснять. Надо обмундировать Анюту и Олю и водить их изо дня в день в лавки. А после завтрака устаю: чуть отдохну у Еленушки — и дети уже из школы пришли: надо уроки с ними делать. Прибавился еще Костя-ученик. Где-то впереди мерещится огонек надежды, тем и живу.

Купол Читального зала Британской библиотеки. Эту «розу света» видел над собой Вяч. Иванов, когда поднимал глаза от книги

Ведь вот была бы счастливая и даже блаженная не по заслугам, если бы не одно горе: этот роман – *cette obsession que me maitrise, qui est plus forte que moi, et je succombe!*¹² <...>

Вот квартира: во втором этаже большая комната в два окна на большой сквер. Спят там Вера с Олей, Анюта, Лиля, Елена. Дневуют Анюта, Оля, Елена и Лиля. В [нрзб] совсем: комната в 2 окна во двор: вид на длинный переулок, весь застроенный поверх рва в уровень с землею крышами [нрзб] подвальных этажей. Странная серая, длинная аллея. Спят Костя с Сережей. У них стол, кресло, буфет, комод и шкаф. Обе очень хорошо обставленные и уютные комнаты. Третья [нрзб], на сквер, в два окна. У стены задней наша кровать, загороженная ширмами и темно-красной портьерой. Впереди у окна письменный стол отличный, над ним в простенке полки с книгами, очень красиво. У другого окна пианино собственный, мною нанятый. Затем хороший диван. На стенах порядочные картины хозяйские и повешены наши: у стола голова Книдской Венеры, на камине Давид и Thanatos Праксителя, над пианино и около него: *Madonna del gran Duca* и *Perugino*, большая Венера Книдская и *Madonna Васнецова*. Посреди комнаты большой стол, где накрываются наши *geras*. Уже в восемь с половиной всегда *breakfast*, и Вяч. [нрзб] встал и [нрзб]. Вот ловко-то! В час с четвертью обед, в шесть наш ужин с детьми. В восемь с четвертью ужин Вячеслава и чай. За *breakfast*'ом огромное блюдо «*porridge*», т. е. овсяной каши, составляет блаженство всей семьи, за исключением одной Анюты. Обед и ужин отличные, и всем весело. Дисциплина поддерживается строго, и весь дух обедов очень приятный. Вяч. – *carving gentleman*¹³. Вообще семья мне доставляет много радости, и я была бы очень счастлива, если бы... и опять-таки сказка! О эти Елены и Дмитриии!

О Марусенька! как я напугалась с моей милой малюткой Еленушкой! Она имела в сутки 20 припадков судорожных! Мой дорогой доктор был два раза, и теперь мы только утешились, потому что скоро 24 часа, как не было ни одного приступа ужасной болезни и дитячко наше веселенькое. Пишу тебе утром около 11 часов в субботу. Дети не в школе. Сережа, впрочем, только вернулся с урока рисования и сбегал на телеграф снести доктору телеграмму: «*since yesterday afternoon no more convulsions*»¹⁴. Лидии я подарила огромную куклу, купленную в лавке на день рождения Веринной Елены (?), и она и Вера играют наверху в своем кукольном углу. Сережа пошел одевать мальо¹⁵ для игры в *football* со школой в парке за горо-

¹² Это наваждение, которое правит мною, которое сильнее меня, и я уступаю (*фр.*). Речь, по-видимому, идет о повести Л. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода», работа над которой продолжалась несколько лет.

¹³ Джентльмен, разрезающий за обедом мясное блюдо (*англ.*).

¹⁴ Со вчерашнего полудня судорог больше нет (*англ.*).

¹⁵ Мальо – *maillot* (*искаж. фр.*), трико или майка.

дом. Костя сидит у меня под боком и усердно вяжет себе синий шарф под моим руководством. Вяч. в библиотеке [нрзб] отдыхает от переполоха с Еленушкой. Быть может, и я на днях вырвусь с ним. Анюта дня через 2, 3 едет в Россию: она в душе очень стремится. О Васюночке [нрзб] написала ей самой и в случае нужды направила ее [нрзб] к тебе. Мы живем в двух шагах от Torrington Square за Gordon Square следующий Square [нрзб]. Детям ближе, Вяч-у чуть дальше. Но Regent Park близко зато, и часто младшие туда ходят. Кажется, В. тебе сам пишет. Поэтому прекращаю пока... Целую тебя, дорогой друг, очень горячо.

Твоя сестра Лидия

В письме В.И. на следующий день, датированном: «Воскресенье, конечно, 12 ноября 1899» («конечно», потому что читальный зал закрыт по воскресеньям), уныние и пережитый страх выражаются в форме многословных извинений за долгое молчание в ответ на регулярные письма Марии Михайловны: «Но писать значит хотя бы на минуту, хотя неглубоко сосредоточить и «собрать» душу; чтобы писать, нужно иметь хотя немного гармонии и строя в себе, а мы..... (так в письме. — Г. К.)». Впрочем, его еще хватает на то, чтобы нарисовать план квартала с крестиком на месте их квартиры и пошутить под конец: «Мое настроение? В Reading Room'e: ars longa, vita brevis. Вообще: ars longa, familia magna, vita brevis¹⁶. Пишу гусиным пером, украденным из Reading Room'a».

Но улучшение состояния маленькой Еленушки было обманчивым. И вот — через две недели — внезапное и страшное письмо Л.Д. — Замятниной:

Дорогая Марусенька, жалко мне тебя, жалко писать это письмо: моя Еленушка умерла вчера (в понедельник 15/27 ноября) в 11 часов утра, от [нрзб] воспаления в легких, произведшего удар сердца. Она страдала одну ночь, и с 5 с половиной утра началась агония до 11. Умерла ненаглядная, обожаемая одним вздохом и одним сильным биением сердечка, своего добренького и ласкового.

На следующий день (29 ноября) Л.Д. пишет отцу:

Дорогой мой папочка,
очень горько мне говорить тебе тяжелую мою потерю. Моя маленькая, ненаглядная Елена скончалась на 11-й неделе своей жизни от разрыва сердца. Она была здоровенькая и счастливая девочка, и

¹⁶ Искусство длинно, семья велика, жизнь коротка (лат.)

теперь наша семья в глубокой тоске, я же не знаю, что сказать о себе. Я любила это маленькое существо дороже жизни. Надо покориться воле Вышней, и я покоряюсь. Не тоскуй и ты за меня, а помолись, мой дорогой отец.

У нее началось воспаление в легких, и сердечко не выдержало. Хороним завтра. Русский священник здесь добрый человек. Он сослужит в церкви обедню и проводит детку на кладбище. <...>

На том же сложенном листе рукой В.И.:

Глубокоуважаемый Дмитрий Васильевич,
Извещаем Вас о нашем глубоком горе. Знаем, что и Вы будете скорбеть с нами вместе, и больно нам огорчать Вас. Завтра хороним нашу Еленушку. Могилка будет в красивом месте кладбища, у самой греческой часовни и вблизи многих православных могил. Помолитесь с нами.

Сердечно любящий и почитающий Вас
Вячеслав Иванов

Последнее время было
очень тяжело. Все дети
более или менее опасно
переболели; теперь поправляются.

Обратите внимание, как тактично и мудро составлена эта траурная записка. Наряду с фразой о православных могилах (смерть — венец жизни христианской), ненавязчивое напоминание тестю о других его внуках, и самое последнее слово — обнадеживающее: «поправляются».

Еще одно письмо — от Л.Д. к М. Замятниной — в день похорон:

18/30 ноября.

Отчаянные хлопоты, мучительней которых себе представить трудно, задержали письмо это на два дня. Вернулись часа два тому назад с похорон. Добыли почти чудом могилку на очень красивом кладбище в окрестностях Crystal Palace¹⁷. Могилка у самого алтаря греческой часовенки. Глубина ее такова, что сверху еще пять гробов могут поместиться. Здесь так хоронят, чтобы родные могли вместе ложиться. <...>

После похорон Еленушки последовал, по-видимому, почти месяц молчания, так что М. Замятина могла не на шутку взвол-

¹⁷ Стекланный дворец (*англ.*). Так называлось огромное сооружение из стали и стекла, построенное для Первой Всемирной выставки 1851 г. в Гайд-парке и перенесенное в 1852 г. в южный пригород Лондона. В 1930-х годах уничтожен пожаром.

новаться. Ее тревога была не совсем беспочвенна, что доказывает письмо В.И. от 14/26 декабря 1899 года:

Дорогой друг, телеграмма должна была успокоить вас — и потому не должна была отличаться точностью; но в следующие за отсылкой ее дни было бы уже просто бессовестно извещать вас, что все «здоровы», когда именно все оказались больны, и только одна Лидия, хотя также болеет, осталась на ногах, больничной сиделкой. Вот уже неделя, как мое существо отравлено жаром, кашлем, головной болью и прочими прелестями инфлуэнцы. Отравлено и разломано. При этом мысль поглощена заботами и тревогами; а основная глубокая нота настроения — ощущение густой фатальной тени, окутавшей наш путь. *Oh cette velle macabre!*¹⁸ Вчера, для Christmas Day¹⁹, мы имели немного солнышка — событие исключительно редкое, ибо большей частью мы сидим целый день с огнем. Угрюмей всего проводить воскресный чай. Неумолчный перезвон колоколов надрывает душу, поднимая мучительные воспоминания. Вокруг ни одного явления жизни, на котором отдохнул бы душою. Кроме нескольких личностей, показывающих английский характер в большой (?) красоте: к ним принадлежит, например, Сережин head-master²⁰, с которым мы сблизились, Mr. Paton. Милая Маруся! Если бы хоть немного солнца и южного моря! <...>

О, я глубоко несчастен! Лидия, наверно, переживает третий кризис. Куда мы придем? <...>

Приближалось православное Рождество, но «наш праздник (пишет Лидия отцу 4 января) будет очень грустный, потому что нам плохо приходится здесь в Лондоне. Как ушла Еленушка, так стало все плохо. Сороковой день приходится на Рождество, и мы поедем в церковь, а оттуда на кладбище. Дети все это время хворали, также и девушки. Теперь они поправились — заболел Вячеслав и очень плохо: инфлуэнца напала на легкие и произвела катар легких. Доктор гонит со дня на день к морю на юг, но он не может еще двинуться, потому что скоро уж три недели, как лежит в жару. Ужасно страшно за него. Он очень изменился и ослаб».

8 января В.И. впервые выходит на солнце, на чистый воздух, «после трех недель заточения», но глубокая меланхолия по-прежнему тяготеет над ним. «О нашем внутреннем мире, — сообщает он Замятниной, — вы имеете гораздо более меня представление. Писал и повторяю, что нас объяла тень смертная...»

¹⁸ О, эта зловещая тень! (*фр.*)

¹⁹ Рождество (*англ.*)

²⁰ Директор школы (*англ.*)

Последняя часть письма датируется, вероятно, 31 декабря по старому стилю — на верху листа проставлено: «Последний день русского XIX столетия» (это, конечно, распространенная ошибка, поскольку весь 1900 год также принадлежит еще XIX столетию). Здесь, вслед за благодарностью за новогодние подарки и обсуждением присланных книг, мы находим новые сетования и жалобы: «Милая Маруся, я все еще в Лондоне! О, какие колебания и сомнения переживаем мы, чтобы опять переделать всю сложную жизнь семьи сизнова!» Не идет ли здесь речь о планах усыновления английского младенца?

Тинтажиль

Начало выздоровления, физического и душевного, можно отнести ко второй половине января. К этому времени относится письмо В.И. к Замятниной, начатое, вероятно, еще в поезде и продолженное дома.

Паддингтон
7/19 января 1900

Дорогая Маруся! Мы с Лидией только что вернулись из Брайтона и, вернувшись, нашли оба ваши письма (13, 14), милые и любовные. <...> Попали же мы в Брайтон, дорогой друг, потому что, устраивая себе возможность целительного освобождения от здешней «тени смертной», налегшей на нас обоих, мы остановились на плане двухмесячной экскурсии вдвоем к морю и помещения детей, при ближайшем соседстве Анюты (она, может быть, поедет в Россию) в одну из тех хороших английских школ, которые существуют в более или менее отдаленных окрестностях Лондона, среди полей и рощ и, можно сказать, отсутствуют в самом Лондоне. Я говорю о плане нашем, пока только плане в общих чертах, он же и видоизменяется сообразно с тем, что мы находим, — но вы можете себе представить, что подобные розыски в связи с сочинением всякого рода практических комбинаций для разумного соблюдения интересов всех членов семьи должны были оказаться довольно сложными. Вот эти-то розыски, милая Марусенька, и завели нас в восхитительнейший парк одной роскошнейшей и [нрзб] по дороговизне и развиваемым новейшими педагогическими принципами претензиям воспитанников школы недалеко от Брайтона, и там уже морской ветерок притянул нас сначала на великолепную, бесконечно длинную набережную Брайтона, которую, [нрзб] снизу, неумоимо обдувает сверху иодистой бурей само здоровье из крепких легких седого старика Океана, а потом в дорогую пустыньку

Rotting Dean (за несколько миль от города), где мы провели восхитительные часы, то едва не сдуваемые в море безжалостным, но безвредным холодным ветром с отвесных обрывов белых каменных стен, которыми Альбион падает с юга в воды Ламанша, то защищаемые и чуть пригретые скалами на каменистой *plage* перед приливающими или отливающими пенистыми валами мутно-седой пучины. Ух, по размерам этого периода, дорогой друг, судите о том, как расширилась моя грудь и сколько воздуха стал я вбирать в свои легкие в эти два дня, проведенные в обществе Лидии да береговых чаек. Итак, *the dark-blue waves* все в области снов, а морем я уже коротко, но целительнодохнул и, сверх того, видел настоящие кипарисы, произрастающие в зеленом Sussex'e и, чего нельзя было бы предположить, видел совершенно лишенные деревьев травянистые холмы, которыми эти области окаймлены вдоль седого и туманно-хмурого моря. Все это набросано на сон грядущий в постели. Good night, дорогой и верный друг. Ваш – В.

На полях последней страницы письма идущая кругом приписка:

Поезд из Брайтона мчится как стрела и достигает в 1 час (!) Лондона, где мы вдруг почувствовали себя в теплой, сырой и душной могиле.

Англии не изменяйте: она хороша, поэтична уж тем, что она остров. Худо, что не учитесь по-английски.

После всех скептических замечаний В.И. по поводу тупого и косного острова Джона Буля и иронического совета Марусе оставаться, на здоровье и в добрый час, «верною Лондону», эта фраза: «Англии не изменяйте» — звучит неожиданно и трогательно.

В феврале Ивановым, по-видимому, удастся определиться с детьми и они уезжают вдвоем в Корнуолл, к морю (первое письмо Л.Д. отцу датируется 28 февраля). Вечеслав Иванов первое письмо М. Замятниной пишет только 19 марта, извиняясь за молчание скучностью обстановки: «Не писал долго, потому что не о чем писать из Cornwall'a, тихой и трезвой страны жующих траву овец и Библию — методистов. Здесь не тих и не трезв только [нрзб] Океан, шумящий по ночам титанический Океан <...> что же до моей Музы, она очень гармонирует с методистской пасторалью».

Начиная с этого письма, В.И. в каждом письме шлет Замятнинной стихи. Фактически вся вторая половина цикла «Thalassia» из сборника «Кормчие звезды» содержится в письмах из Корнуола: «Прилив» («Предтеча резвая прилива...»), «На склоне» («Овцы бродят подо мною...»), «Ступени воли» («Воля! хищницею нищей...»), «Мгла» («Снежный саван пал на обрывы скал...»), «Голос

моря» («В белосумрачном рассвете...»), «Венец земли» («Пьяный плющ и терен дикий...»). Первым было стихотворение «На склоне»:

Овцы бродят подо мною,
Щиплют зимний злак стремнин.
С Атлантической волною
Из обрывистых глубин

Веет солью. Твердь яснеет
Робкой лаской меж камней.
Даль туманная синеет,
Сайка искрится по ней.

Горько, Мать-Земля, и сладко
Мне на грудь твою прилечь;
Сладко Время, как загадка
Разделения и встреч.

С тихим солнцем и могилой
Жизнь сладка, как этот склон, —
Сон неведения милый
И предчувствий первых сон.

Шутливый автокомментарий: «Вот вам первые “вдохновения”, меня здесь посетившие. Ex ovis principium — с овцы начало! (Жаль, пропадет мой каламбур, потому что вы плохо учитесь полатыни. Говорят: “ex Jove principium” — “с Юпитером начало”.) Как-то вы по-английски учитесь?»

В следующем письме (29 марта) посланы два стихотворения: «Мгла» и «Голос моря». Тут же Иванов дает поручение — с подробнейшими инструкциями и обычной своей мягкой настойчивостью — отыскать для него в мифологических справочниках и сделать подробные выписки про Ниобею. Кроме того, он дает особенное поручение — «тонкое и эсотерическое»: «Если в статьях о Ниобеи найдете что-нибудь об отношении мифа Ниобеи к Дионису, то не сможете ли выписать и прислать мне те места древних авторов (в подлинном тексте), на которые делаются ссылки».

В письме 10 апреля он уже благодарит М. Замятнину за труды (неплохо выполнялись дружеские просьбы и, главное, неплохо почта ходила между Англией и Россией!); кроме того, речь идет о переводах В. Иванова из Пиндара, только что опубликованных в России, и о моде на Еврипида, которого он, по-видимому, не жаловал за ироническое, рационалистическое отношение к мифам и богам.

<...> Благодарю за «страницы пиндарических похвал» (как говорит Пушкин), и пиндарических цитат, и пиндарических забот (прибавлю я). Если Зелинский «прецезировал» Вам свое «априорное» суждение о переводах (знаете, в Критике Чистого Разума есть серьезное упущение: после параграфа: «wie sind die synthetischen Urtheile a priori möglich»²¹, должно было бы следовать рассмотрение строк: «wie sind pedantische Urtheile a priori möglich»²²) — то, уже не сходясь, сообщите мне его, но только рядом с Вашим собственным*, которое я еще устно от Вас требовал, интересуясь, как мои ритмические новшества действуют на ухо нефилологического читателя, — и пусть пессимистический судья судит рядом с оптимистическим, плачущий философ рядом со смеющимся, и при равенстве противоречивых голосов пусть я буду «нравственно оправдан», как Орест, *calculo Minervae*²³.

Спасибо, спасибо Вам, дорогая, за хлопоты Ваши — не затруднило ли Вас чересчур мое поручение? Ах, спасибо и за то, что Вы умеете дать наш *Fühlung*²⁴ с умственным настроением [нрзб]. Эллины у вас в чести; но — берегитесь Еврипида! Теперь педанты усиленно выдвигают софиста и отрицателя; им странно, что в настоящей неподдельной древности имеющие уши слышат странные, неслыханные, опасные звуки: ибо что опаснее гениального?.. Но на этом лучше остановимся. Неприятное время я переживаю теперь, поскольку время это посвящено переходу к иному и выработке нового чего-то, [нрзб] и заботам о ближайшем устройстве, которое у нас всегда есть переустройство всей жизни. Ничего не знаю еще определенного; поэтому и о наших предположениях ничего определенного не могу сказать. Не знаю, что пишет об этом Лидия. Кажется, что придется ехать в Женеву и вернуться в Лондон мне с семьей, а Лидии ехать в Россию одной. Буду тогда работать в библиотеке и жить с Сережей, Лидией и Ольгой близ города.<...>

К письму добавлены стихотворения «Прилив» и «Ступени воли» (без заголовков), а также «Закат над Искией» («Как замок медный...»), которое в книге будет называться «Сфинкс глядит», — стихотворение не корнуольское по теме, но, по-видимому, завершённое в Корнуолле.

Тем временем к Ивановым в Корнуолл приезжают дети. 12 апреля в письме к отцу Л.Д. пишет:

²¹ Как возможны априорные синтетические суждения (*нем.*).

²² Как возможны априорные педантические суждения (*нем.*).

* К чему относится цитата о «легкой искре из властительных уст»? По зрелом размышлении, мы принуждены отнести ее к устам Зелинского. (*Примеч. В. Иванова*).

²³ Благодаря голосу Минервы (*лат.*).

²⁴ Ощущение (*нем.*).

<...> Теперь мы их взяли сюда к себе на праздники, чтобы вместе провести их. Младшие уже приехали. Сережа придет один сегодня, так как его школа дольше всего кончается. Они очень поправились со своей школой в деревне: розовые, веселые, живые. <...> Сережа удивительно способен. Он опять был переведен выше посреди учебного года и попал в класс, где все мальчики гораздо старше его. И все-таки он почти во всем первый ученик. Директор им не нахвалится и просто влюблен в него.

В.И. тем временем погружен в свои изыскания и творческие планы относительно Ниобеи и Диониса. Даже по поводу защиты диссертации их с Л.Д. друга Гревса он каламбурит «по-дионисийски», сближая фамилию Гревса с Загревсом (Загреем)²⁵, разорванным титанами:

Tintagel
1 / 14 April 1900

<...> Спасибо особенно за труд писать по-гречески... <...> Так что я имею даже большое искушение попросить Вас взять «August Nauck, Fragmenta Tragicorum Graecorum» и выписать сохранившиеся фрагменты из трагедии Ниобея (Niobe, Νιοβη) Эсхилла (Aeschylus) и таковой же Софокла (Sophocles). <...> Дороги мне эти фрагменты чрезвычайно... <...>

P. S.

Завтра le grand jour! Разумею Гревсиаду. Жду Вашего отчета, летописец Пимен! Да не разделят Гревса, учинив созвучного Загревса ([нрзб] pour encourager vos études mythologiques!²⁶), то есть да не будет растерзан на части!.. О, я разумею не титанов факультета, которые, надеюсь, провозгласят его доктором, — а мэнад ваших курсов и корибантов студенчества, одним словом, исступленных сочувствующих.

PPS

И еще забыл попросить Вас прочесть у Roscher'a Niobe in der Kunst²⁷ (но не выписывать!!!) — и в случае, если натолкнетесь на имя Dionysos и т. п., выпишите об отношении Ниобеи к Дионису. Ну, простите! А если уже сдали Roscher'a, бросьте все это.

В это время Л.Д. занята целиком и полностью детьми, о чем говорит ее приписка к письму мужа: «Крепко целую, дорогая Маруся,

²⁵ Как это он уже делал в шуточном сонете И.М. Гревсу в 1896 году. См.: Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольдштейн / Публ., вступ. статья и коммент. М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой // Studia Slavica Hung. 1996. № 41. P. 375–376.

²⁶ Чтобы стимулировать Ваши занятия мифологией (фр.).

²⁷ Ниобею в искусстве (нем.).

теперь я, как овца с ягнятами, по полям бегаю и не знаю, как усладить всласть моих милых. Всего хорошего. — Твой друг Лидия».

Вместе с детьми Ивановы встретили Пасху 25 апреля по новому стилю. В этот день В.И. написал М. Замятниной следующее письмо:

Tintagel
12 / 25 Апр. 1900

Христос воскрес, дорогой друг! — я очень, очень счастлив, сердечный друг Маруся, вашим подарком. Благодарю Вас. Гравюра, мне кажется, превосходно передает стиль Васнецова. Она очень артистична. А сами богатыри — просто загляденье. Типы коренные. Хаотические кривизны русской почвы с той поры выпрямились, а они все те же. Ведь и Петр от них: вот его могучность и [нрзб] духовное, а вот и безудержный, дикий славянский огонь его, бес славянский. Отсель залог уверяющий... ах, только ли залогами жить нам? Но — Терпение! Терпение и упование... Что вы, дорогой друг, присылкой вашего дорогого подарка попали в самый нерв настроения, вы увидите из стихотворного приложения к этому письму — из сочиненного мною в марте месяце «духовного стиха». Идеей его я ревниво дорожу, и потому позволяю себе безусловно запретить вам его сообщать, как чужим, так и друзьям, кроме наших [нрзб] (и тем по секрету). Само собой разумеется, что впечатлением, которое стих может произвести, интересуюсь чрезвычайно*.

Дорогой мой трудничек Марусенька, как и благодарить вас за труд великий и терпенье, уж и не знаю. <...> Поясню вам, что дело идет о большом художественном труде, уже начатом; не только подвигать его вперед, но и (что важнее) установить его план, и даже решить, возможен ли он и верна ли его основная идея, нельзя было, не имея под рукой известного филологического материала. И без того пришлось все почти предугадывать и предчувствовать, и принимать как бы данным а priori; вот почему говорю, что сообщаемое вами мне драгоценно: теперь знаю, что план я начертал правильно, и правильно начал, мой поэтический и филологический такт оправдан, вести дело дальше возможно, и помимо всего того, я обогащен превосходным материалом, которым буду пользоваться на каждом шагу. «Ниобея», конечно, не предназначается для сборника, а для отдельного издания; но помните, что все это — секрет.

<...> Знаете, перечитывая старые письма ваши, я нашел совсем не замеченную мною своевременно (вследствие ее обособленности) заключительную страничку, где вы говорите о впечатлении, возникшем от чтения моего Пиндара: вы ничего не поняли из-за мифологии и пиндарической сжатости и несвязности, и, что еще

* Если известна Вам аналогичная легенда, сообщите! (Примеч. В. Иванова.)

печальнее уже для меня (не для Пиндара), ничего не разобрали в приписываемой мною моему собственному творению музыке ритмов и проч. Плачь, Муза, плачь! Я думаю все-таки, Маруся, что не язык наш неспособен к «большой ритмической свободе» и не перевод мой окончательно дурен, а просто русское ухо сделалось невпечатлительным, благодаря отъединению наших поэтических форм от форм народной поэзии: и здесь — оторванность от почвы народной!

Мы уезжаем отсюда вскоре; но до получения новых вестей об адресе прошу и умоляю вас: пишите сюда без всякого страха пропажи или задержки письма. Письма пересылаются немедленно и добросовестно, и большая задержка в сношениях будет, если вы будете ждать от нас предварительных сообщений временного адреса и т.д.

Спасибо за газеты — вы знаете все, что мне интересно. Не вообразайте только, что я партизан или поклонник г. Розанова. Не раз мне приходится раскаиваться в преждевременных *éloges*²⁸. Обнимаю вас горячо.

Ваш В.

Как следует из этого письма, Иванов был увлечен сюжетом о Ниобее. Четыре года спустя, 28 февраля 1904 года, он предложил отрывок из трагедии «Ниобея» Брюсову для «Северных цветов». На протяжении весны и лета обещал скоро ее закончить, но вместо этого написал «Тантала» (письмо В. Брюсову 2 ноября 1904 г.). От «Ниобеи» же остались лишь несколько черновых фрагментов²⁹. Не приходится сомневаться, с какими событиями жизни связан замысел трагедии о Ниобее — несчастной матери, похвалившейся своими детьми и потерявшей их всех от гнева богов: поэт превращает в миф и самое горе, переплавляет скорбь в творчество.

И все же странно, что ни в одном из писем Иванова из Тинтажиля нет и намека на сказочность мест, где ему с Л.Д. пришлось прожить несколько месяцев 1900 года. Как будто он и не знал, что Тинтажильская крепость, руины которой до сих пор висят там над океанским мысом, — место рождения легендарного короля Артура. Кроме того, это был замок корнуольского короля Марка, куда рыцарь Тристан доставил из Ирландии королеву Изольду, — сюжет, вдохновивший столько романов и поэм, да и знаменитую оперу Р. Вагнера (1865). А ведь повесть о Тристане и Изоль-

²⁸ Восхвалениях (*фр.*).

²⁹ *Дешарт О.* Комментарии // *Иванов В. И.* Собр. соч. Т. 2. С. 676, 677, 678 и 681—682.

Мерлин находит младенца Артура на берегу в Тинтажиле.
Альфред Теннисон. Королевские идиллии. Г. Доре. 1867

де и об их беззаконной любви, полной превратностей и испытаний, можно было примерить и к судьбе самих Вячеслава и Лидии.

Тем временем неотложные дела требовали поездки в Женеву (к отцу Л.Д.) и в Россию (к больной матери). Возникает проблема: где и как устроить детей на время отсутствия. Проблема с Сережей устраивается легко. Л.Д. посылает телеграмму директору школы³⁰, дружественному мистеру Пэтону, и через несколько дней к ним на бланке школы приходит ответ:

³⁰ University College School, Gower Street, London, W.C.

Дорогая миссис Иванов,

С сожалением узнал о расстройстве Ваших планов. Я телеграфировал сегодня утром, что я собираюсь устроить пребывание Сергиуса с молодым учителем, только что поступившим в нашу школу, который живет у моих личных друзей. Его зовут Дж. Уонстол (G. Wanstall) и он снимает комнату у почтенной вдовы миссис Таппер по адресу 34 Денни Роуд, Хэмстед, почти напротив парка. Очень приятная улица и дом с маленьким садиком. Сама миссис Таппер – вдова художника и [нрзб] учителя, написавшего пару [нрзб] книг и стихи, часть которых была опубликована посмертно. Ее сын служит в Индии в [нрзб]. Дочь училась в консерватории во Франкфурте-на-Майне и сейчас преподает музыку. Полагаю, что она могла бы взять Сергиуса к себе за одну гинею в неделю, включая сюда все расходы кроме стирки. Единственное затруднение – сможет ли она устроить еще сестру Веру и брата (я замечаю, что в телеграмме упомянуты «дети»).

Надеюсь, что это может избавить Вас от поездки в город или, если Вам все же нужно приехать, поможет в подыскании подходящего места. Вы совершенно правы: Лондон – это огромное беличье колесо, беспрестанно вращающееся. Но – помните строки, которые написал Мэтью Арнольд, лежа на траве в Кенсингтонском саду:

Calm soul of all things, be it mine
to feel amid the city's jar
That there abides a peace of thine
man did not make and cannot mar³¹.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,

Дж. Л. Пэтон

2.V.00³²

Как явствует из следующего письма, Ивановы воспользовались возможностью устроить на лето Сережу; что касается Веры и Кости, то их поместили в загородную школу в Крэгморе, а Лидию с Олей Никитиной приютила некая миссис Мейклем (Meiklehem): по хэмстедскому адресу можно предположить, что это было устроено опять-таки через мистера Пэтона и миссис Таппер.

³¹ О безмятежная душа мира, дай мне почувствовать среди городского шума, что есть на свете покой, который не человек создал и который ему не осквернить (*англ.*). Мэтью Арнольд (1822–1888) – знаменитый поэт и критик Викторианской эпохи.

³² Оригинал письма на английском.

Willesden³³

4/17 мая 1900

<...> Отлучиться от детей вдвоем недели на две все равно было необходимо из-за Женевы и вопроса о Лидии, вы знаете. Продолжить же путешествие до Петербурга оказалось неизбежным вследствие настойчивого желания матери Лидии видеть нас непременно обоих вместе и благословить, о чем она два раза торжественно говорила Анюте и даже сама написала нам собственноручно. <...> Кажется, воспользуюсь этим пребыванием в России, чтобы печатать сборник. <...> О, как надоели цыганские ночлеги «в шатрах изодранных»! Но где поселиться? Хотелось бы близ Лондона. Спросимся у Гольдштейн. Здешний наш доктор советует убраться из Лондона подальше. Представьте себе: выслушав нас по возвращению из Корнуоля, он нашел у обоих катаральное состояние легких (помимо эмфиземы у Лидии) и объяснил, что оба мы «*genau demselben Zustande*»³⁴ (немец он, наш доктор). Жаль, что в сонете только 14 строк полагается: прибавить разве к тому моему сонету, на старинный манер, «хвост» (*coda*), в котором заявить, что мы не только два ока, два крыла и пр., но и два легких одного легочного катара. Детей мы устроили: «кэргморцев» в *Craigmore* (школа), Сережу в интеллигентной и дружественной с нашим приятелем — Сережиным директором — семье, состоящей из 1) вдовы скульптора и писателя, 2) дочери скрипача и 3) молодого учителя Сережиной школы, Лидию же с Олей в семье *Meikleham*, где они уже обжились. Как не велико доверие ко всем этим друзьям и покровителям, все же оставлять детей страшно, и необходимо будет спешить назад. К вам же, дорогой друг, просьба: подыскать для нас меблированную комнату в ваших краях. Л. останется недолго в Петербурге, поедет в Капорье; я же съезжу туда на два дня всего. Буду посещать, конечно, Публичную библиотеку... Боюсь еще верить радости свидания. — Простите, что пишу так поздно, но получил ваши два письма и оттиски только третьего дня от Оли, оставшейся с Лидией в Корнуоле, пока мы здесь мыкались и маялись. <...>

Размер «Мглы» — англо-германский, преимущественно употребляемый в английской поэзии, в русской же является нововведением. От нас еще получите вести, и перед приездом пошлем телеграмму. Адресовать все письма и пр. пока лучше всего на имя Оли:

Miss Olga Nikitina
37 Upper Park Road
Hamstead
London NW

³³ Вилсден — южный пригород Лондона.

³⁴ В точности то же самое состояние (*нем.*).

Она очень благодарна за свои словари. Очень тронуты мы даром Балабановой, но еще больше вашим искусством заражать (как говорит Толстой) других симпатией к вашим друзьям. Читаем «Ressurrection» – Воскресение Толстого по-английски, и очень рады, что по-английски, потому что видим вещь не изуродованную цензором. Толстой же и рассчитывал во многом, очевидно, на заграничных читателей. Книгу (с русскими иллюстрациями Пастернака) ссудил нам поклонник Толстого Mr. Paton, директор Сережиного училища.

Но до свидания и до личной беседы! – В.

Очень интересна и демонстрирует чувство юмора поэта его идея прибавить шуточную концовку «к тому моему сонету». Речь идет о сонете «Любовь», вошедшем в «Кормчие звезды»:

Мы – два грозой заженные ствола,
Два пламени полуночного бора,
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держат удила
Одна рука, – одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единый оба.
Мы – две руки единого креста.

Важно и замечание в письме относительно размера «Мглы», заимствованного из английской поэзии. Как упоминалось раньше, в Лондоне Ивановы дружески общались с мистером Пэтоном и, учитывая занятия В.И. и литературные склонности учителя, разговор не мог не затрагивать английской поэзии (о чем свидетельствует и вышеприведенное письмо Пэтона). Несомненно, что знакомство В.И. с английской поэзией расширилось в этот лондонский период, о чем косвенно свидетельствует и балладный размер «Мглы», и эпиграф из Данте Габриэля Россетти к стихотворению «Зеркало Эроса» в том же цикле «Thallassia»:

While fast together, alive from the abyss
Clung the soul-wrung implacable close kiss.

D. G. Rossetti

[Живыми вырвавшиеся из бездны, крепко слитые в душераздирающем неумолимо-тесном лобзании.]

Приписка Л.Д. к письму мужа содержит адрес Крэгморской школы, куда были помещены Вера и Костя, а также просьбу к Марусе найти подходящее жилье для них с Вячеславом в Петербурге, которая показывает, до какой степени она устала от «романтической прелести» их нелегального положения:

Дорогая Марусенька, Вячеслав все написал тебе. О себе скажу только, что я страшно устала, до одурения. Я тебя попрошу выбрать легких интересных (как ты умеешь) и недорогих книжечек для Костеньки бедного школьника, чтобы ему читать во время приготовления уроков, когда дела кончены: сказочки или иные легкие рассказы. И пошли, как можешь скорее, ему по адресу: Mr. Konstantine Ivanov, Craigmole College, Wargrave on Thames, Berks. Англия. Только как можешь скорее. А насчет комнаты — нам, я думаю, удобнее будет вместе с В. остановиться, потому 1) что я ненавижу приходить романтично к В. на свидания перед всеми швейцарами и канальями, 2) ты уедешь в начале июля, и я буду без приюта. Мне придется остаться в П-ге; правда, очень недолгое время, только чтобы с В. наладить дела с Лидией и, надеюсь, начать печатание его книги. Затем я стремлюсь в Капорье. Думаю, если бы можно комнату или одну, или две маленькие, чтобы было вроде *bed-sitting room* или спальня и чистая комнатка. Это идеал. Затем гляди, что найдешь. Хорошо бы на острове — к тебе ближе. Письма не пиши на имя Оли, а пиши нам так: Geneve, Poste Restante.

Итак, в начале июня Ивановы — в Женеве, у отца Л.Д. Об этом свидетельствует письмо Вяч. Иванова А.В. Гольдштейн от 4.VI.1900 года³⁵. Тогда же (на письме стоит только место — Женеве и день недели — четверг) Л.Д. пишет письмо Сереже, вероятно, в ответ на его жалобы на миссис Таппер, запрещающей ему купаться.

Дорогой Сереженька, спасибо за твое письмо. Теперь ты пиши так:

Ее высокоблагородию
Марии Михайловне
Замятниной
для пер. Л.Д.
10 линия, д. 31. В.О.
С. Петербург

<...> Мы сегодня едем в Россию. Не очень-то мы здоровы и довольно тяжело ехать. Я все вспоминаю, как о счастье, о нашей счастливой жизни в прекрасном Cornwall'е. Помнишь?

³⁵ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольдштейн. С. 344.

В середине июня Ивановы уже в Петербурге. Квартиру им М. Замятнина сняла, как Л.Д. и просила, на Васильевском острове (Николаевская набережная, 13, кв. 4). Оттуда 13 июня (ст. ст.) В.И. пишет А.В. Гольдштейн в Париж, сообщая ей о безуспешных попытках заинтересовать издателей проектом задуманной ими антологии французской поэзии. «Я теперь в Петербурге один, Лидия в Капорье, где я провел также два дня и куда, вероятно, еще заеду за ней»³⁶.

Вскоре на Николаевскую набережную приходит открытка от миссис Таппер из Хэмстеда (дат. 22 июня 1900 г.), сообщающая приятную новость о школьных успехах Сережи. На той же открытке уместаются поздравления от дочери миссис Таппер, учителя Уонстолла и приписка самого Сережи: «Дорогие мама и Вячеслав, очень крепко целую я вас. У меня очень приятная новость. Я прошел трудные экзамены и теперь получил Scholarship³⁷. Вы только должны будете платить полцены, и мое имя будет в книге чести на двадцать лет. Сережа».

Между тем Лидия, проводящая время с больной матерью в Капорье, сама нездорова. 7 августа она пишет М. Замятниной:

Как я приехала в Капорье, так и стала очень хворать, и оказалось, что я вновь ожидаю ребенка. Я после смерти моей любезной дочки очень обрадовалась новому дитяти, но здоровье мое после всех бед моей жизни стало очень плохо. Я так страдаю беременностью, что иной раз плачу от муки. Привязались к прочим болезням еще удушья и слабость такая, что лежу каждый день до завтрака в постели.

В том же письме Л.Д. говорит, что попросила знакомую в Париже заехать в Лондон и привезти детей на летнюю вакацию в Капорье. Вероятно, речь шла о Вере и Косте («крэгморцах»), потому что около середины августа, как известно опять-таки из письма В.И. к А.В. Гольдштейн (20 авг. из Капорья), Лидия приезжала к нему из Капорья в Сестрорецк с Костей. Судя по всему, В.И. живет в Сестрорецке под Петербургом (наезжая в Капорье), а Л.Д. — в Капорье (наезжая в Сестрорецк).

Закончилось это событием, как пишет В.И., «опять перевернувшим наши планы». Седьмого сентября у Л.Д. во время прогулки в Сестрорецке случился выкидыш, и ее поместили в Сестро-

³⁶ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольдштейн. С. 346.

³⁷ Почетная стипендия (*англ.*).

рецкую земскую больницу³⁸. В это самое время трехлетняя Лидия вместе с Олей Никитиной³⁹ переезжает из Лондона в Париж. Вероятно, Ивановы собирались забрать Лидию в Париже и отвезти на новую, нанятую в Женеве дачу. Но, ввиду болезни Л.Д., приходится просить А.В. Гольдштейн снять для них пансион где-нибудь в Кламаре, под Парижем, и присмотреть за «бедными путешественниками»⁴⁰. 20 октября В.И. благодарит А.В. «за все, что Вы делаете для маленькой Лидии»⁴¹.

В ноябре Ивановы наконец выезжают из России. О по-прежнему неофициальном статусе их брачного союза красноречивее всего говорит письмо В. Иванова Замятниной с рассказом о крещении трехлетней Лидии. В ее метрическое свидетельство не было даже занесено имя матери!

Из Мюнхена (по штампу)
3/16 декабря 1900

Дорогой друг! Слава Богу, все благополучно. Лидия крещена сегодня в греческой церкви после обедни. Была очень весела и мила во время длинного обряда, радовалась на купание... Все произошло очень светло и радостно! Священник такой серьезный и симпатичный, и усердный; церковь большая, XV века, готическая, отданная правительством греческому приходу. <...> Сегодня же я получил на квартире у архимандрита метрическое свидетельство, где Лидия названа просто моей дочерью, с умолчанием о матери. Крестным отцом назван Дмитрий Васильевич, крестной матерью, согласно слову, данному Лидией, — Анюта, а ее заместительницей — Оля, которая во время крещения читала вслух «Верую», обноша Лидию вокруг купели и пр. <...> Завтра направлюсь к русскому консулу засвидетельствовать подпись архимандрита и предложить ему — смелым Бог владеет — просто занести Лидию в мой паспорт на основании ее метрики (по слову Лидии). Лидия целует Вас. Мы были очень счастливы. <...>

[Приписка на полях:]

Одновременно пишем Дм. Вас. о крещении. Детям, понятно, ни слова не говорить, и вообще никому!

³⁸ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольдштейн. С. 350—351.

³⁹ В своих мемуарах Лидия Иванова сообщает об этой Оле, что она была дочерью пьяницы-художника и впоследствии вышла замуж за профессора женевской консерватории Феликса Острога. См.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 14.

⁴⁰ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольдштейн. С. 351.

⁴¹ Там же. С. 254.

Снова в Норвуде

Лондонские письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал написаны полтора месяца спустя. Повод ее поездки в Лондон – возвращение Сережи после рождественских каникул на вилле «Ява» в школу. Само решение продолжить обучение сына в Лондоне далось Л.Д. нелегко. Осенью прошел слух о случаях чумы в Англии, и Л.Д. (уже потерявшая в Англии одного ребенка) немедленно написала мистеру Пэтону о своем желании забрать Сережу из школы. Последовал оживленный обмен письмами. Мистер Пэтон очень обстоятельно, используя сведения и статистику не только из популярных, но и научных изданий, доказывал, что случаи эти периферийны, локальны и не представляют абсолютно никакой угрозы. В конце концов ему удалось убедить Л.Д. «Приехала в Лондон с Сережей, – сообщает она М.М. Замятниной 16 января, – которого решила не отрывать от любимой им школы и от ее директора, человека совершенно выдающегося нравственно и умственно. Остальная семья будет проживать в Женеве...»⁴²

В планы приезда Л.Д. входило увидеться и уладить денежные дела как с мистером Пэтоном, так и с Тапперами, у которых Сережа продолжал жить на полном пансионе.

Первое письмо Л.Д. мужу, точнее серия открыток, пишется ею прямо в почтовом отделении недалеко от угла Гауэр-стрит и Юстон-роуд, где она дожидается Сережи, который в это время стрижется у «куафера». Из этого письма мы узнаем, что Лидия с Сережей останавливаются в той же самой гостинице, где они жили год назад и где умерла Еленушка.

Встретили нас белые сумерки туманные, темно-серые ряды мелких домов и приветливая простота английских employees⁴³. Hansom⁴⁴ привез нас быстро к фрау [нрзб]. Получили комнату *vis à vis* Еленушкиной. Встреча была приветливая. Умывшись, пошли на угол Gower Place и Gower Str., где попили чаю и поели бэкон и эггз и – в школу. Пэтон был добр и мил, как всегда. Но Сереже велел идти *to bed*⁴⁵ вместо школы до завтра. Выдал, впрочем, книги и тетради

⁴² Ф. 109. К. 23. Ед. хр. 22.

⁴³ Служащих (англ.).

⁴⁴ Кэб (англ.).

⁴⁵ Спать (англ.).

греч. и лат. и сказал: «Я знаю, что он in good hands⁴⁶, он поступит в up. fourth!»⁴⁷ <...>

У Л.Д., разумеется, множество хлопот с Сережей и его школой — ведь она оставляет сына одного на целых полгода. Но неотступна и память о пережитом, о дочке, похороненной на кладбище в Норвуде.

22 янв. 1901
Лондон — Villa Java

Мне очень грустно, Славинька, разочаровывать тебя относительно приезда. В среду я выехать не сумела бы, но и в четверг решила не выезжать, а прямо отложить до воскресенья. Права я или нет, не знаю, решила, поскольку умею. Вот как я рассуждаю: побывавши сегодня в Норууде и устроивши могилку, я имела странную тоску от мысли не увидеть ее больше самой и не показать Сереже. Мальчик не попал бы туда иначе, как в обществе Туррег'ов, выразивших мне намерение съездить в Н. с Сережей. Хочу в воскресенье утром съездить туда спокойно с Сережей и затем проститься с ним. В субботу уложу все вещи и отошлю Сережин сундук. В эти же 4 дня до отъезда имею: 1) регулировка счетов с Туррег и со школой, 2) свидание с Пэтоном по поводу уроков, 3) исполнение обещания посмотреть в Regent's Park football Сереже, 4) выборка вещей и приведение в приличный вид, 5) посещение Norwood'a еще раз, 6) покупка Астарум (?) Сереже двух-трех вещей в приданое, 7) посещение British Museum и парламента и пробежать Национальную галерею. <...> Но единственно важно, конечно, это le désir poignant⁴⁸ провести последний день с Сережей у Елены.

Примечательно желание разделить печаль о Еленушке с любимым сыном. Л.Д. не думает, что для десятилетнего мальчика это какая-то ненужная, отрицательная эмоция. Наоборот, она считает, что это необходимо для возмужания его души, для углубления чувства семейной любви и родства.

Следующий отрывок письма воскрешает другой сюжет — усыновление английского младенца. Оказывается, Л.Д. не оставила этой мысли. Она отправляется в сиротский приют на Энделстрит, чтобы повидать уже годовалого к тому времени мальчика Джорджа и вновь переговорить с начальником приюта — вновь безуспешно⁴⁹.

⁴⁶ В хороших руках (*англ.*).

⁴⁷ Полностью: upper fourth form — старший четвертый класс (*англ.*).

⁴⁸ Настоятельное желание (*фр.*).

⁴⁹ Письмо написано торопливым, малоразборчивым почерком.

Правда также, что я очень устаю, если напрягаюсь, и лучше не буду напрягаться, боюсь. Что касается Парижа, то не надеюсь справиться в 2, 3 дня. Нечего и думать! Ведь там-то должна все вверх дном перебрать в вещах раньше, чем их отправлять, поэтому кладу минимум 4, потому что 1-й и последний отпадают. Значит, до пятницы, субботы или воскресенья через неделю не жди. Буду, значит, за два дня до Вериного экзамена. <...> Сегодня была утром в Endell Str. И видела начальника дома. George жив и здоров, а начальник (с отвратительной физиономией) объявил: впрочем, что когда ему будет года 3, 4, *it can do no harm if you like to repeat your application*⁵⁰. Конечно, вряд ли что-либо может выйти!

Последний отрывок письма — о посещении могилы Еленушки на кладбище в Норвуде (южный Лондон). Мистическая деталь: в этот же день, 22 января 1901 года, Лондон оплакивает смерть королевы Виктории — веха, отметившая конец XIX столетия и вместе с тем конец Викторианской эпохи в истории Англии и Европы.

Оттуда прямо отправилась в Norwood. Могилка вся зелененькая, березовый крестик цел, и живо то скромное, доброе растение в головах, остальное пропало. Я сделала [нрзб] в планах о памятнике, но буду обсуждать ее с тобою потом: мне хочется, оставаясь при прежнем проекте (плиты, гранитовой доски и лежащего креста), все уменьшить соразмерно с детской могилкой, так чтобы крест имел величину этого милого березового (?), вокруг обнести решеткой, обсадить плющом, а в головах оставить те деревца, какие я сегодня посадила. О, какая прекрасная стала сегодня эта могилка! Посылаю веточку побольше от деревца кипарисоподобного, высотой аршин в полтора, посаженного мною в головах, и веточку поменьше от других двух кустиков низких, но пышных и необыкновенно красивых и благородных, которые в плечах насыпи. Затем крест я прикрыла белыми цветами с кучкой темных фиалок посреди, а середину насыпи покрыла большим венком рождественским: весь из плюща (посылаю) и колючего красивого растения, которое растет в рощах Италии и ягод вроде золотых вишен и рябины и серебряного моха, в ногах стоит большой горшок с четырьмя алыми тюльпанами и двумя большими гиацинтами, а дальше пересажен добрый старый дружок от изголовья. Надо всем тишина, сквозь деревья даль холмов, а вблизи колонны часовни и пение яркое птиц. Такая тишина, что так бы и остаться, чтобы никогда не уйти в мир. Странно все, что (так в письме. — Г. К.) кричат по улицам, пока я пишу, а Сережа читает греческий (сейчас пойдет спать, оба завтра, как всегда, в девять), кри-

⁵⁰ Вы можете снова попробовать подать прошение (англ.).

чат пронзительно о смерти Виктории. Устройством Сережи у Туррег'ов я довольна. Они стали шелковые у меня, и Сережа их отлично понимает. Целую, люблю, только не пишется. Скоро будем вместе. *Ova i sempre*⁵¹.

На обороте этого листочка — план-рисунок могилы, начертанный явно неумелой рукой, и внизу приписка:

Ничего не вышло на рисунке.

Когда разбираешь старые бумаги, перебираешь не тебе адресованные письма, не раз приходит мысль: а можно ли, хорошо ли приоткрывать то, что было чьей-то личной тайной, сугубо личным переживанием (пусть даже и через сто лет)? Но в том по определению и состоит задача биографа. Для исследователя творчества писателей символистского круга такая работа вдвойне важна: ведь именно символисты провозгласили равноценность творчества слов и творчества жизни — *жизнетворчества*. То есть они как бы заранее дали разрешение на *публикацию* своей жизни. Жизнь поэта есть эксперимент на себе, принадлежащий всем, сказал однажды У.Б. Йейтс. Что же касается профанации, то она (так же, как сакрализация) заключается не в фактах, а в их восприятии и интерпретации. Скажем, вкушение тела Божьего у христиан (причастие), безусловно, было бы кощунством, если бы не было таинством. Наглядность, телесность причастия подтверждает для верующего истину евангельского слова. Так и жизнь символиста есть подтверждение его слова, объяснение слова.

Душераздирающая в своей домовитой заботливости сцена украшения могилки создает фон, на котором мы можем прочесть те строки повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода», где говорится, как Вера потеряла грудного ребенка: «Она пила воду из колодца кладбищенского, чтобы приобщиться червям»⁵².

Но еще больше, как мне кажется, это письмо объясняет значимость слова «крест» в стихах В. Иванова, обращенных к Лидии. Например: «Мы — две руки единого креста» — последняя строка

⁵¹ Ныне и вечно (*ит.*) — принятая между Вячеславом и Лидией формула прощания.

⁵² *Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урода. М., 1998. С. 32.*

в сонете, написанном около 1900 г. и ставшем через девять лет *магистралом* венка сонетов в цикле «Любовь и смерть»⁵³. Или — из того же «Венка»:

И тению единого креста
Одних молитв слияли два полета
Мы, двух теней скорбящая чета.

Розенкрейцерская символика — лишь одна составляющая этих стихов. А другая заключает в себе, может быть, и тот «березовый крестик», у которого они стояли вместе на кладбище в Норвуде, когда «тень смертная» впервые так зловеще пересекла линии их жизней.

Дополнение

ХРОНОЛОГИЯ ДВУХ ЛЕТ В ЖИЗНИ ИВАНОВЫХ

(март 1899–январь 1901)

1899

Март. Ивановы с детьми на вилле Фараоне близ Неаполя. 17 марта (н. ст.) Л.Д. сообщает отцу о счастливом окончании бракоразводного процесса. В конце марта, оставив детей в Италии, Ивановы едут в Россию.

Апрель–май. В.И. и Л.Д. в Петербурге (адрес В.И.: Караванная, 28), заняты хлопотами по устройству своего брака. Дети находятся на вилле Фараоне под Неаполем (с Аней Шустовой, Олей Никитиной и «Васюней»). 23 мая Л.Д. едет в Капорье, к больной матери.

Июнь. 1 / 13 июня из Капорья Л.Д. сообщает детям, что к ним в Неаполь едет М. Замятнина.

Июль. 7 июля В.И. и Л.Д. в Берлине, оттуда едут в Лейпциг, потом в Италию. Ни в Германии, ни в Венеции устроить венчание не удастся. 17 июля В.И. пишет М. Замятниной, прося ее выяснить возможность венчания в Неаполе.

Август. 9 августа из виллы Фараоне Л.Д. сообщает отцу, что из Венеции они поехали в Ливорно, где им удалось обвенчаться в

⁵³ «Cor Ardens». Книга четвертая.

греческой церкви, а оттуда отправились в Неаполь к детям, которых не видели с марта. Около 23 августа возникает мысль о переезде в Лондон. 29-го — жалобы на здоровье в письме отцу.

Сентябрь. Согласно вычислениям, отталкивающимся от даты смерти, и сообщению О. Дешарт, что Елена родилась в воскресенье, выходит, что 17 сентября 1899 года Л.Д. родила дочь, которую назвали Еленой.

Октябрь. 1 октября Ивановы в приморском курорте Аренцано. Л.Д. пишет отцу, что, пока нет известий из Петербурга, лучше сидеть тихо и никуда не переезжать. Однако 6 октября Ивановы с Сережей уже в Лондоне. Их адрес: *15 Torrington Square*. Младшие дети (за исключением Лидии) с Анютой прибыли из Неаполя несколько позже. В середине октября М. Замятнина покидает Лондон. В.И. работает в читальном зале Британского музея.

Ноябрь. В начале месяца переезд со всеми детьми (Сережей, Костей, Верой, Лидией, Еленушкой) на новую квартиру: *27 Endsleigh Gardens, Gordon Square, NW*. М. Замятнина уже в Петербурге. 11 ноября внезапные судороги у младшей дочери. 27 ноября Еленушка умирает «на одиннадцатой неделе жизни» от воспаления легких. 30-го похороны на лондонском кладбище в Норвуде, недалеко от Christal Palace.

Декабрь. В середине месяца В.И. заболевает инфлюэнцей, почти три недели лежит в жару. Безрадостное Рождество. «Ощущение густой фатальной тени, окутавшей наш путь» (В.И.).

1900

Январь. Доктор советует Ивановым ехать к морю. В середине месяца — поездка в Брайтон.

Февраль – март. Ивановы едут вдвоем в Тинтажиль, Северный Корнуолл. Здесь, у моря, В.И. начинает писать стихи и обдумывать трагедию «Ниобея».

Апрель. На Пасху к Ивановым приезжают дети. В.И. просит Замятнину прислать ему из Петербурга побольше мифологических выписок, касающихся Ниобеи и Диониса.

Май. Ивановы решают ехать в Швейцарию, а потом в Россию. Сережа устроен на лето в Хэмстеде (Лондон) у миссис Тап-

пер (под опекой учителя Уонстолла), Лидия с Ольгой Никитиной – у миссис Мейклем, в том же Хэмстеде. Вера и Костя помещены в Крэгморский колледж.

Июнь – июль. В начале июня Ивановы в Женеве, у отца Л.Д. По-видимому, вопрос о съеме дачи в Женеве для семьи в принципе решен. В середине месяца – в Петербурге. Л.Д. едет в Капорье, к больной матери, В.И. – в Сестрорецк. Они навещают друг друга.

Август. Знакомая Л.Д. по ее просьбе привозит из Англии Костю (и, вероятно, Веру) на вакации в Капорье.

Сентябрь. 7 сентября у Л.Д. случается выкидыш. Ее кладут в Сестрорецкую земскую больницу. В.И. пишет А.В. Гольдштейн в Париж, куда переехала Ольга с Лидией, с просьбой позаботиться и присмотреть за ними во время этой непредвиденной задержки.

Октябрь – ноябрь. Л.Д. выздоравливает, и, по-видимому, в ноябре Ивановы выезжают из России. Из Англии сообщают о случаях чумы. Л.Д. решает не отправлять Сережу в Англию, а поместить в хорошую школу в Париже.

Декабрь. 16 декабря в Мюнхене состоялось крещение трехлетней Лидии. В метрику записан только отец Лидии, В.И. Иванов, имя матери не указано. Директор лондонской школы мистер Пэтон фактами и цифрами убедил Л.Д., что опасности нет, и она решает все-таки не лишать Сергея любимой им школы и учителя.

1901

Январь. После рождественских каникул на вилле «Ява» (Женева). Л.Д. везет Сережу в Лондон и проводит там всю вторую половину января. Улаживает дела со школой, с бытом Сергея (он продолжает быть на пансионе у миссис Таппер), украшает могилу Елены на кладбище в Норвуде, навещает ее вместе с Сережей. В конце месяца через Париж возвращается к семье в Женеву.

У.Б. Йейтс

ПЕЧАЛЬ ЛЮБВИ

Под старой крышей гомон воробьев,
И блеск луны, и млечный небосклон,
И шелест листьев, их певучий зов,
Земного горя заглушили стон.

Восстала дева с горькой складкой рта
В великой безутешности своей —
Как царь Приам пред гибелью, горда,
Обречена, как бурям Одиссей.

Восстала,— и раздоры воробьев,
Луна, ползущая на небосклон,
И ропот листьев, их унылый зов,
Слились в один земного горя стон.